

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра новейшей русской литературы

Выпускная квалификационная работа

**СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ЧИТАЕТ СВОИ СТИХИ.
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ**

Работу выполнил:
студент 251 группы направления
подготовки: 44.03.05
Педагогическое образование,
профиль «Русский язык и
литература»
Середкин Сергей Валерьевич

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Завкафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 20 ____ г.

Руководитель:
канд. филол. наук, доцент кафедры
новейшей русской литературы
Кайгородова Вера Евгеньевна

(подпись)

ПЕРМЬ
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	с. 3
ГЛАВА I.	
«КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ-САМОРОДОК». 1915 – 1917.	
ГОДЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ.....	с. 7
ГЛАВА II.	
«ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА»:	
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН НА ЭСТРАДЕ. 1918 -1923	
2.1. Сергей Есенин в «Стойле Пегаса».....	с. 12
2.2. Драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачев»: авторское исполнение, интерпретация В.Высоцкого.....	с. 17
2.3. Сергей Есенин читает стихи русской эмиграции.....	с. 22
ГЛАВА III.	
«КЛЕН ТЫ МОЙ ОПАВШИЙ...»:	
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ЧИТАЕТ СТИХИ. 1924-1925.....	с.26
3.1. Сергей Есенин-исполнитель и аккомпаниатор стихов.....	с. 27
3.2. Сергей Есенин читает «Чёрного человека».....	с. 30
3.3. Последние чтения.....	с. 34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	с. 38
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	с.40

ВВЕДЕНИЕ

Чтение поэтом собственных стихов – почти неременная составляющая творческого процесса. Как правило, речь идет об индивидуальной манере подачи материала, особой интонации, подчеркивании ритма текста, выделении в нем, в точки зрения автора, самого важного. Среди русских поэтов было и есть немало тех, чье чтение стихов отличается особой выразительностью, артистизмом. К их числу относится Сергей Есенин.

Его время – Серебряный век и первая половина двадцатых годов, когда творческое поведение, включающее исполнение стихов, было нормой. В биографии Есенина, как и многих поэтов, его современников, непосредственное общение с аудиторией занимает важное место. Есенин, согласно всем воспоминаниям, умел и любил читать стихи: «Есенин был одним из лучших декламаторов в России. Чтение шло от самого естества, надрыв был от сердца, он умел выделять и подчеркивать ударное и держал слушателей в напряжении» (А.Воронский); «Он всегда хорошо читал свои стихи» (А.Миклашевская); «нечеловеческое чтение поэмы произвело душераздирающее впечатление» (М.Ройзман); «Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках» (С.Виноградская). Есенин охотно откликался на различные предложения выступить, иногда за гонорар, нередко безвозмездно. Эта сторона его жизни запечатлена в многочисленных воспоминаниях, авторами которых были коллеги-литераторы, профессиональные историки литературы, люди богемы, родственники поэта, просто любители поэзии. Часть из этих воспоминаний широко известна, некоторые затерялись в периодике и малотиражных изданиях. Не существует на данный момент единого представления об исполнительских предпочтениях поэта, изменении есенинской манеры чтения, связи ее с творческим развитием

автора. Не выделены тексты, в исполнении которых особо проявилось мастерство Есенина-исполнителя.

Стремление систематизировать имеющийся документальный материал, осмыслить его в контексте формирования художника определили **актуальность темы** настоящей работы.

Целью работы является создание целостного представления об особенностях авторского исполнения Сергеем Есениным своих стихов, динамике исполнительской манеры поэта, выявлении в ней важных граней его художественного мира.

Для достижения цели необходимо решение следующих задач:

- детально изучить творческую биографию поэта;
- собрать, классифицировать, детально проанализировать имеющиеся мемуары, запечатлевшие исполнение Сергеем Есениным стихов;
- проанализировать труды историков литературы, посвященные творчеству С.А.Есенина, в частности, комментарии ключевых в его творчестве текстов;
- описать в динамике, с выделением ключевых моментов, манеру есенинского исполнения поэзии;
- выделить, детально прокомментировать исполнение наиболее значимых текстов;
- проследить традицию есенинского исполнения в художественной практике других исполнителей.

Объектом исследования в работе являются мемуары различной природы, запечатлевшие чтение С.А.Есениным своих стихов: Н.Н.Асеева, С.Виноградской, С.М.Городецкого, А.А.Есениной, В.Катаева, А.Л.Миклашевской, В.Ф.Наседкина, Н.Н.Никитина, П.Ф.Орешина, М.Д.Ройзмана, И.И.Шнейдера и других современников поэта

Предметом исследования является особенности авторской манеры чтения Сергеем Есениным, зафиксированная современниками обусловленность ее личностью поэта на разных этапах его творчества: продуманность

репертуара, обусловленность его аудиторией; чтение неопубликованных стихов, апробация впечатления в узком кругу друзей; артистизм, драматизация исполнения; особенности использования аккомпанемента .

Теоретической основой работы послужили труды о природе мемуарного повествования Гинзбург Л.Я. «О литературном герое» (М.1979), «О психологической прозе» (Л.,1977), Колядич Т.М. «Воспоминания писателей XX века. Проблемы поэтики жанра» (М.,1998), Николиной Н.А. «Поэтика русской автобиографической прозы» (М.,2002). В процессе работы постоянно использовались труды исследователей биографии и творчества С.А.Есенина: С. П.Кошечкина, Н.И Шубниковой-Гусевой, Ю. Прокушева, А. Марченко, Л.В. Занковской и других.

Методы исследования в данной работе predetermined поставленными научными целями и задачами. Для сбора информации, связанной с биографией поэта, его исполнительской деятельностью, использовался историко-биографический метод. Сравнительно-исторический метод применялся при анализе меняющейся общественно-политической и художественно-эстетической ситуации исполнения. Социологический метод использовался при анализе восприятия чтения поэта аудиторией, выбора им репертуара.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней предпринята попытка расширения имеющихся представлений о личности и природе творчества С.А.Есенина, поэта и, талантливого исполнителя собственных стихов, тем самым – о культурной жизни России 1910- первой половины 1920-х годов.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в процессе изучения творчества С.А.Есенина, в спецкурсах и спецсеминарах по анализу художественного текста.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами, характером исследуемого материала. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. В главах работы последовательно рассказывается о главных этапах развития есенинского

исполнительства (1915 – 1917, 1918 -1923, 1924-1925), их основных чертах и ключевых моментах.

Апробация работы. Материалы выпускной квалификационной работы легли в основу **докладов**, прозвучавших на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Филология в зоне актуальности: вызовы времени» (г. Пермь, 1-2 апреля 2014 г.), Всероссийской научно-методической конференции «Молодая филология – 2015. Языки и литература: прошлое и настоящее» (г. Пермь, 28 мая 2015 г.), Ежегодной научно-методической конференции студентов, магистрантов и аспирантов филологического факультета ПГГПУ «Молодая филология – 2016. Языки и литература: прошлое и настоящее» (г. Пермь, 26 апреля 2016 года). По теме исследования **опубликованы** следующие работы: *Середкин С.В.* Сергей Есенин читает «Черного человека» (по воспоминаниям современников) // Филология в зоне актуальности: вызовы времени: сборник статей по материалам всероссийской конференции молодых ученых; г.Пермь, 1 – 2 апреля 2014г./ ред. кол.: М.П. Абашева и др.; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун – т. – Пермь, 2014. – С.22 – 25; *Середкин С.В.* Драматическая поэма С.А.Есенина «Пугачев»: авторское исполнение, интерпретация В.Высоцкого // Молодая филология – 2015. Языки и литература: прошлое и настоящее : сб. ст. по материалам Всероссийской научно-методической конференции молодых ученых (г. Пермь, 28 мая 2015 г.)/отв.ред. С.С.Иванова; Перм.гос.гуманит.-пед.ун-т. – Пермь, 2015. С.81 – 85.

ГЛАВА I.

«КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ-САМОРОДОК». 1915 – 1917.

ГОДЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

В 1915 году молодой поэт, выходец из крестьян, Сергей Есенин появляется в Петербурге и сразу начинает читать свои стихи в разных аудиториях, о чем некоторые слушатели сохранили и зафиксировали в мемуарах, дневниках свои впечатления. Самое известное, хрестоматийное, конечно, блоковское: «9 марта 1915 г.>Днем у меня рязанский парень со стихами. Крестьянин Рязанской губ... 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915». Это и первое петербургское чтение Есенина. Именно к Блоку он направляется из первопрестольной, где провел два года и уже не раз читал стихи в разных аудиториях : в малотиражном журнале «Мирок», студентам университета Шанявского, для поэтов-самоучек в «Суриковском кружке». Читал, как большинство начинающих: «тихо, просто, задумчиво» (Н.Ливкин).

В столицу Есенин приезжает с естественным желанием славы и вскоре становится популярным. В изданном в 2004 году энциклопедическом словаре «Литературные Объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов»[27], в первом томе книги В.Г Белоусова «Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 1. (1895—1920) [7] содержится обширная информация о многочисленных выступлениях молодого поэта в самых разных аудиториях. Он неоднократно выступал с чтением своих стихов в многочисленных петербургских литературных салонах. Сохранились свидетельства современников о впечатлении. Которое он произвел на посетителей кружка Ляндау, который существовал в 1915 году. В Петрограде; участники встречались на квартире К. Ю. Ляндау.

Он бывал на воскресеньях Мережковских (салон З.Н. Гиппиус на квартире З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского в Петербурге). «Вечера Случевского», «кружок поэтов и поэтесс», существовавший с 1904 года, включил в число своих членов и С.А. Есенина. В воспоминаниях З. Ясинской есть страницы о выступлении Есенина в этом собрании: *«В 1916 году, по рекомендации отца, на собрании, состоявшемся на Черной речке, Есенин был принят в общество поэтов имени Константина Случевского.... После смерти Случевского, в 1904 году, участники кружка - это стало традицией - собирались в доме то одного, то другого поэта. Чтения сопровождались ужином с вином. На заседаниях кружка было несколько чопорно и торжественно: мужчины являлись во фраках и визитках, поэтессы в вечерних туалетах. В 1916 году отец дважды принимал у себя участников кружка, один раз зимой, другой - поздней весной. Оба раза присутствовал и читал стихи Есенин.... Мне как-то странно было видеть Есенина в окружении поэтов кружка Случевского. По возрасту это были люди солидные, преобладали лысые. Половина из них служила в каких-то министерствах, получая чины, в журналах их имена встречались редко, и книжечки своих стихотворений они издавали за свой счет. На общем фоне выделялись писатели-профессионалы: Федор Сологуб и Гумилев... Когда принимали Есенина в члены кружка, он держался довольно свободно, Гумилева рассматривал дерзко-внимательно.... Я перехватила взгляд Есенина: в глазах его вспыхнуло насмешливо-озорное, знакомое мне выражение и угасло. Есенина попросили читать стихи. Он вышел, как-то особенно лихо потряхнув головой, будто говоря про себя: "Ну что ж, сразимся с рысаками". Он выбрал для чтения стихи о природе. Есенина приняли в общество»[60].*

В многочисленных литературных салонах Петрограда Есенин – один из начинающих поэтов, для известности этого явно недостаточно. Выделиться из общих рядов помогает участие в группе «Краса», где чтение Есениным стихов обретает оригинальный, узнаваемый облик. Согласно воспоминаниям, выразительный костюм Есенина был найден почти случайно. Перед выступлением в зале Тенишевского училища на Моховой улице «возник сложный вопрос - как одеть Есенина ... Для Есенина принесли взятый напрокат фрак. Однако он совершенно не подходил ему. Тогда С. М. Городецкому пришла мысль нарядить Есенина в шелковую голубую рубашку, которая очень шла ему. Костюм дополняли плисовые шаровары и остроносые сапожки из цветной кожи, даже, кажется, на каблучках. В этом костюме Есенин и появился на эстраде зала Тенишевского училища. В руках у него была балалайка, на которой он, читая стихи, очень неплохо и негромко себе аккомпанировал» [60]. Выступления Есенина в «Красе», тип его творческого поведения получали разную оценку. Первая жена, А. Изряднова, просто констатирует изменение облика и манеры чтения: « В январе 1916 года приехал с Клюевым. Сшили они себе боярские костюмы - бархатные длинные кафтаны; у Сергея была шелковая голубая рубаха и желтые сапоги на высоком каблучке, как он говорил: "Под пятой, пятой хоть яйцо кати". Читали они стихи в лазарете имени Елизаветы Федоровны, Марфо-Марьинской обители и в "Эстетике". В "Эстетике" на них смотрели как на диковинку...»[18]

С иронией вспоминает в «Как делать стихи» В.Маяковский: «В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками...я деловито осведомился относительно одежды:

— Это что же, для рекламы?

Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло.Что-то вроде:

— Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной...»[34]

Подробно, с явной симпатией описывает выступление «Красы» критик и поэт Зоя Бухарова: *«Робкой, застенчивой, непривычной к эстраде походкою вышел к настороженной аудитории Сергей Есенин. Хрупкий девятнадцатилетний крестьянский юноша, с вольно вьющимися золотыми кудрями, в белой рубашке, высоких сапогах, сразу, уже одним милым доверчиво-добрым, детски-чистым своим обликом властно приковал к себе все взгляды. И когда он начал с характерными рязанскими ударениями на "о" рассказывать меткими, ритмическими строками о страданиях, надеждах, молитвах родной деревни ("Русь")... перед нами предстал овеванный ржаным и лесным благоуханием "Божией милостью" юноша-поэт...*

Еще лучше "Руси" -- "Микола"... В отношении строго-художественном не всегда и не все совершенно у милого юного баяна; но маленькие недочеты эти почти незаметны, и полное их исчезновение, несомненно, -- только вопрос времени, работы и приобщения к вечным истокам мировой мысли и духа. В лице Сергея Есенина мы имеем бесспорно будущего поэта первой величины»[10].

Лаконично, зло, с характерной портретной точностью пишет в мемуарах о «маленьком Есенине» Зинаида Гиппиус: *«Есенин только что, чуть ли не за день до того, явился в Петербург. Обыкновенный, неуклюжий парень лет 18-ти, в "спинжаке" поверх синей рубашки. Видно, что наивничает, однако прожженный... Стихи его нам всем показались мало интересными, и он перешел к частушкам своей губернии, которые довольно много распевал.*

Затем он исчез. Выплыл уже в компании Сергея Городецкого, у так называемых "пейзанистов". ...Есенина одели по-"пейзански": в голубую шелковую рубашку, завили ему кудри длинные, подрумянили. Живо приобрел он и соответственный апломб»[42].

Декоративность внешнего облика нередко была свойственной Есенину и в другие периоды творчества. В 1915 – 1916 годах стилизация народного костюма, музыкальное сопровождение стихов имеют основанием не только желание выделиться, быть не таким, как большинство исполнителей

собственных стихов: в этом проявляется и органичная связь с традицией, и естественная артистичность молодого поэта.

Изменяясь и сознательно изменяя внешний облик и манеру чтения, Есенин сохранит опыт начальных лет: в его исполнении останутся и эффектность сценического поведения, и музыкальность.

ГЛАВА II.

«ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА»: СЕРГЕЙ ЕСЕНИН НА ЭСТРАДЕ. 1918 -1923

2.1. Сергей Есенин в «Стойле Пегаса»

Начало двадцатых годов в трудах историков советской литературы, в учебниках неоднократно называлось «кафейным» периодом, от слова «кафе». После окончания гражданской войны, в атмосфере разрухи, голода книги издавались редко и мало. Общение поэтов с публикой иногда проходило в кафе, где с эстрады читались новые стихи, а поклонники приходили посмотреть на своих кумиров и послушать их. Для поэтов, в большинстве своем полуголодных, выступления в кафе нередко были единственно возможной в эти годы формой заработка.

Самыми популярными литературными кафе в Москве были «Кафе поэтов» и «Питтореск», где «главными» были футуристы, и открытое позже имажинистское «Стойло Пегаса». Кафе стало артистическим и собирало, кормило и грело в себе богемную публику — поэтов, художников, писателей. «Стойло Пегаса» находилось в самом центре, в доме № 37 по Тверской улице (дом был снесен при реконструкции Тверской, носившей уже имя Горького), работало с сентября 1919 по 1922 год.

Эпатирующими были и название, и оформление: на вывеске, по воспоминаниям современников, изображен был скачущий Пегас и летящие за ним буквы «С-т-о-й-л-о П-е-г-а-с-а». Кто здесь главный, было ясно из манифеста на потолке: *«В небе — сплошная рвань, облака — ряд котлет, все футуристы дрянь, имажинисты — нет»*[50].

Есенинские стихи были центральными в оформлении кафе. Художник Якулов на ультрамариновых стенах желтыми красками набросал портреты его

соратников-имажинистов и цитаты из написанных ими стихов. Между двух зеркал было намечено контурами лицо Есенина с золотистым пухом волос, а под ним выведено:

*Срежет мудрый садовник — осень
Головы моей желтый лист.*

Слева от зеркала были изображены нагие женщины с глазом в середине живота, а под этим рисунком шли есенинские строки:

*Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.*

Через год наверху стены, над эстрадой крупными белыми буквами были выведены стихи Есенина:

*Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган!*

Со «Стойлом Пегаса» связан целый период жизни Сергея Есенина. В кафе проходила немалая часть жизни поэта, здесь же было средоточие самых разных его интересов. Это было место самых разных встреч. Героиня «Любви хулигана» Августа Миклашевская вспоминает о тихих беседах с застенчивым и трезвым поэтом, прятавшим руки, казавшиеся ему некрасивыми.

Есенин часто называл себя хозяином «Стойла Пегаса». Участие в финансировании предприятия его, скорее, разоряло. Мемуаристы вспоминают, что за счет Есенина питались в кафе не только его сёстры, но и многие его приятели и знакомые (А. Кожебаткин, Н. Клюев, И. Приблудный, Е. Устинова, Г. Бениславская и др.).

«Стойло» давало возможность заработать, выступая с чтением стихов. Для Есенина чтение в литературном кафе не было делом новым: его помнили завсегдатаи легендарных петербургских «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов». Но в Москве все было иначе: раньше читалось в своем кругу и по желанию, наградой было признание богемы; здесь же речь шла о зарплате, и слушатели были другими. Публика в литературных кафе была разнородной, вместе с нищей, но интересующейся литературой молодежью, были там и посетители, желающие тряхнуть мошной перед своей дамой. Ю. Трубецкой писал: «Обстановка «Стойла Пегаса» — резиденции имажинистов — лидером коих и, так сказать, козырным тузом был Есенин, не производила приятного впечатления. Что-то уж много делячества, дурного тона, воробьиной фанаберии, скандальной саморекламы. И их «теоретик» Анатолий Мариенгоф — циркулеподобно шагающий по эстраде, и Кусиков, что-то бормочущий с сильным акцентом, и какие-то сомнительные девицы с подкрашенными дешевой помадой губами и накокаинившиеся «товарищи» полувоенного и получекистского образца»[47]. Содержатель буфета в «Стойле Пегаса» А. Силин *«разбивал без всякой иронии посетителей кафе на «серьезных» и «несерьезных». К «несерьезным» он относил всю пишущую, изображающую и представляющую братию, а к «серьезным» - сухаревцев, охотнорядцев и всякий криминальный и полукриминальный элемент»*[47]

В шумном, дымном "Стойле Пегаса", на небольшой эстраде, сменяя друг друга, появлялись молодые, никому не известные поэты, иногда выступали актеры с чтением стихов и певицы, а к концу программы -- такие разные, такие не похожие один на другого поэты-имажинисты: Вадим Шершеневич, Анатолий Мариенгоф, Александр Кусиков и Сергей Есенин.

По воспоминаниям человека, не покидавшего кафе, владельца буфета И Старцева, *« Обычный шум в кафе, пьяные выкрики и замечания со столиков при выступлении Есенина тотчас же прекращались. Слушали его с напряженным*

вниманием. Бывали вечера его выступлений, когда публика, забив буквально все щели кафе, слушала, затаившись при входе в открытых дверях на улице.

Излюбленными вещами, которые Есенин читал в эту зиму, были "Исповедь хулигана", "Сорокоуст", "Песнь о хлебе", глава о Хлопуше из "Пугачева", "Волчья гибель" 6, "Не жалею, не зову, не плачу"[43]».

Чтение Есенина запоминалось на долгие годы, как, например, англичанину, спутнику Айседоры Дункан: «Однажды вечером я сидел с Айседорой в кафе «Стойло Пегаса», где проходил поэтический вечер. Поэты один за другим поднимались на небольшую сцену в конце зала и читали свои стихи... Кафе было заполнено разношерстной публикой, поэтами и их подругами, все говорили на самых высоких тонах... Когда голос Есенина окреп, шум в кафе стих. Строка за строкой вонзались в сознание этой пестрой толпы, и она застывала в ужасе.

Было страшно и жутко слушать об агонии жалкого загнанного человека, а Есенин заставил нас быть ее свидетелями: триумф чувства, переданного Художником Публике.

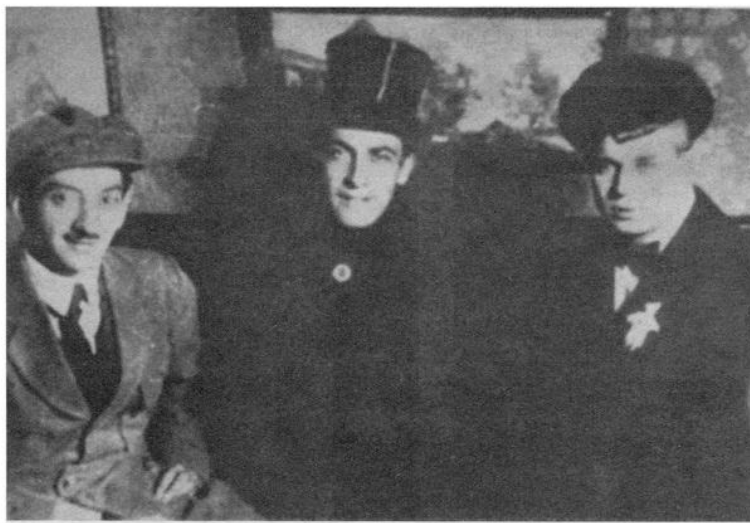
Когда он закончил, стояла мертвая тишина. Все — извозчики, спекулянты, проститутки, поэты, пьяницы — все застыли с бледными лицами, открытыми ртами и страдающими глазами».[42]

В одной из самых известных книг эмиграции, «Встречах» В. Пяста воспроизводится впечатление от Есенина на эстраде «Стойла»: « Вот он опять на эстраде. Замолкают столики. Даже официанты прекращают суетню и толпятся, с восторгом, в дверях буфетной. Он читает знаменитые стихи, где просит положить его под русские иконы -- умирать. Голос срывается. Может быть, навсегда! Это предчувствие. Все растроганы и тяжело дышат. А вот он внезапно встает и через всю залу идет к незнакомому с ним поэту, известному импровизациями, сидящему в стороне. Об этом поэте, за его стипендией, но достаточно громко был "пишущими" послан гнусный, ни на чем не

основанный слух. Есенин подходит, опирается на его стол руками, вглядывается в него и говорит: "С таким лицом подлецов не бывает!" Обнимает, целует его, -- и вот -- еще одно сердце, завоеванное им навеки"[40].

Время «Стойла Пегаса» можно назвать в жизни Есенина и временем «Москвы кабацкой»: отсюда, из жизни неприкаянной, бездомной, вышли многие образы знаменитой книги. Здесь, в «Стойле» не только создавались прекрасные стихи, здесь были и громкие скандалы, не только литературные. ов Сергей Александрович еще был и непревзойденным создателем самого «главного фирменного блюда» в этом кафе — литературных скандалов. Впрочем, и по части нелитературных его тоже мало кто мог переплюнуть. «С наглыми посетителями Есенин не

церемонился. Мог, например, некому дельцу, во весь голос ругавшему выступавших, опрокинуть на голову тарелку с соусом. Да и вообще не имел привычки заигрывать с публикой: если в ее поведении что-то ему не нравилось, он сразу же

41. С.А.Есенин, А.Б.Мариенгоф, Г.Б.Якулов, 1919.

отказывался выступать»[44]. Здесь, по воспоминаниям, началось есенинское пьянство.

Но Есенин всегда оставался Есениным. Он уже был великим поэтом, и понималось это многими. Очень точно сказал годы спустя Вольф Эрлих: « Пока сидит Есенин, все -- настороже. Никто не знает, что случится в ближайшую четверть часа: скандал? безобразие? В сущности говоря, все мечтают о той минуте, когда он наконец подыметя и уйдет. И все становится глубоко бездарным, когда он уходит»[58].

2.2. Драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачев»: авторское исполнение, интерпретация В.Высоцкого

Известно, что Сергей Есенин был прекрасным исполнителем стихов, в том числе и своих. Одними из самых ярких стали воспоминания о чтении поэтом драматической поэмы «Пугачев»(1921). Отрадно, что сегодня мы можем не только прочитать страницы мемуаров, но и услышать голос Есенина, сохраненный в аудиозаписи.

«Пугачев» относится к числу произведений, высоко ценимых самим автором. Есенин *«с гордостью рассказывал, как работал над драматической поэмой «Пугачев», как много материалов и книг прочел он тогда»* [1, с.420]. Исследователи отмечают, что даже для творчества Есенина, произведения которого всегда вызывали особый интерес читателей и критиков, «Пугачев» является безусловным лидером по количеству прижизненных критических откликов [10, с.128–130].

Авторское чтение поэмы отличалось редкой эмоциональностью и выразительностью. Как о потрясении вспоминает о нем переводчик Франц Элленц: *«Есенин то неистовствовал, как буря, то шелестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие самих основ его поэтического темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца, Эта декламация во всей полноте передавала его стиль: он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя»*[11, с.23].

Это не единичное впечатление, похожим было восприятие «Пугачева» слушателями, в числе которых были В.Брюсов и В.Маяковский, в московском Доме литераторов летом 1921 года: *«Есенин читал горячо, темпераментно жестикулируя, скакал на эстраде, но это не выглядело смешным, и было что-то звериное, воедино слитое с образами поэмы в этом невысоком и странном*

человеке, сразу захватившим внимание всех присутствовавших в зале. И была в его чтении какая-то исступленность, сплошной нажим на каждое слово, почти без понижения голоса, и это было по нервам»[5, с.170].

В авторском исполнении особенно запомнившимся мемуаристы единодушно называют монолог Хлопуши. «Вечерами, когда собирались гости, Есенина обычно просили читать стихи. Читал он охотно и чаще всего «Исповеди хулигана» и монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев», над которой в то время работал. В интимном кругу читал он не громко, хрипловатым голосом, иногда переходившим в шепот, очень внятный; иногда в его голосе звучала медь. Букву «Г» Есенин выговаривал мягко как «Х»<...> Со сцены, наоборот, читал громко он, чуть-чуть «окая». В монологе Хлопуши поднимался до трагического пафоса, а заключительные слова поэмы читал на совсем замирающих тонах, голосом, сжатым горловыми спазмами: «Дорогие мои...Дорогие...Хор-рошие...».

Он так часто читал монолог Хлопуши, что и сейчас я явственно вижу его и слышу его голос: «Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть! Что ты? Смерть? Или исцеление калекам?». Мемуарист передает впечатление от изменившегося облика поэта. Обладая несомненным актерским дарованием, Есенин вживается в образ своего героя, перевоплощается в него: «...брови сошлись, лицо стало серо-белым, мрачно засветились и ушли вглубь глаза. С какой-то поразжающей силой и настойчивостью повторялось:

-Проведите, проведите меня к нему,

-Я хочу видеть этого человека» [9, с.38 – 39].

Особенной выразительностью выделяется воспоминания М.Горького, слышавшего чтение Есенина в Берлине. «Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши». Горький передает динамику собственного восприятия, запечатлевает облик поэта-чтеца: «Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

-Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!

-Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и т.д., все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения». Слышавший на своем веку многих знаменитых исполнителей стихов, писатель свидетельствует о совпадении звучания монолога и характера героя: «Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренно, с невероятной силою прозвучала неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

-Я хочу видеть этого человека!

И великолепно был передан страх:

-Где он? Где? Неужель его нет?»

Современники вспоминали особую мелодичность, музыкальность есенинского исполнения лирики, любовь поэта к самостоятельному сопровождению ее игрой на гитаре или гармонии, то, что нередко стихи почти напевались. В данном случае слушателям-зрителям предстает нечто иное, подчеркнуто дисгармоничное. *«Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно – под ноги себе, другое – далеко, третье – в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза – все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час. <...> Взволновал он меня до спазма в горле, рыдать хотелось»* [2, с.7 – 8].

Есенинское исполнение монолога Хлопуши сохранилось. Запись была сделана 11 января 1922 года руководителем фонетической лаборатории Института живого слова профессором С.И. Бернштейном, который специально приехал в Москву, чтобы записать голос Есенина [8]. Современники по-

разному оценили соответствие аудиозаписи «живому» чтению поэта. Чаще всего говорят о технических искажениях, вызванных условиями записи и несовершенством аппаратуры. И.И. Шнейдер предполагает, что Есенина *«очевидно, заставили сильно повысить голос»* [9, с.39]. Историк литературы В.А. Мануйлов замечает, что *«несовершенная запись <...> не совсем точно передает тембр есенинского голоса, но интонации его и манера чтения мне слышатся именно такими»*[5, с.169]. Но и несовершенная фонограмма позволяет судить о некоторых особенностях есенинского чтения: *«Насколько чужим казался его голос, настолько блестящей была его читка монолога Хлопуши с отчаянным, ударяющим криком: «Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!» Только в напористых «Р» и в знакомом «О», звучащем иногда как глухое, упрямое «У», узнал я прежнего Сережу и представил себе его буйно взмахивающую голову»* [7, с.223].

Жанр «Пугачева» обозначен в изданиях как «драматическая поэма», текст, предполагающий театральное воплощение. Есенину очень хотелось увидеть свое первое драматическое произведение на сцене. Сохранились воспоминания о чтении поэтом пьесы перед труппой театра Мейерхольда. *«Кто-то из артистов спросил: «Кто из нас прочтет?». Мейерхольд подчеркнуто произнес: «Читать будет автор». И когда Есенин по обыкновению ярко, вдохновенно развешивал перед слушателями ткань своего любимого произведения, я уловил выразительный взгляд Мейерхольда, обращенный к сомневавшемуся артисту: «Ты прочтешь так, как он?».*

Из попытки Мейерхольда ничего не вышло. *«Неудачей с постановкой «Пугачева» Есенин был очень огорчен»*[6, с.239].

Годы спустя, во времена «оттепели», к «Пугачеву» обращается театр на Таганке. Премьера состоялась 17 ноября 1967 года. Исполнителем роли Хлопуши становится Владимир Высоцкий, актер и поэт, по темпераменту сравнимый с Есениным. Хлопуша, по существу, эпизод, одна сцена, ставшая в силу особого дарования актера кульминационной во всем спектакле.

К работе над постановкой привлекли Николая Робертовича Эрдмана, в молодости принадлежавшего к «Ордену имажинистов», знавшего Есенина лично, участвовавшего во многих литературных событиях того времени. С записью есенинского чтения «Пугачева» знакомились артисты театра, и в их числе Высоцкий (хотя он не признавался впоследствии критикам), в период подготовки к премьере.

Зрители, знакомые с чтением Есенина по грамзаписям, сразу заметили переключки с ним исполнения Высоцкого. Как отмечала известный критик и публицист Н. Крымова под впечатлением спектакля по поводу Высоцкого: *«С Есениным у него вообще своя родственность. Ее нетрудно заметить самым поверхностным взглядом — немногие поэты имеют судьбу, так легко становящуюся легендой. Они эту легенду как бы и сами творят — еще при жизни. Другая родственность глубже и еще заслуживает изучения. В ней и "кабацкие мотивы", и та любовь-тоска по родине, которая не покидает нигде, ни за рубежом, ни дома. У каждого свой "черный человек" и своя "Русь уходящая", и нежность к слову, и надрыв, и внутренняя песенность стиха, и — временами — неизлечимая, ничем не заливаемая тоска...»* [4]. Ее впечатления от игры актера перекликаются с воспоминаниями слышавших Есенина: *«В "Пугачеве" - спектакле предельно специфической образной системы, где играло все: слово, вещь, ритм,- Высоцкий был абсолютно свободен. Он нашел основу труднейшей роли - звук, и свою звуковую палитру. От зубовного скрежета к страдальческой песенной протяжности, от дикого рыка, хрипа к призывному, трубному звуку - таковы были краски этой палитры. Этих красок наша сцена не знала»*[4].

Существует видеозапись исполнения Высоцким в спектакле монолога Хлопуши. Потрясает и сегодня неистовый вопль беглого каторжника: «Проведите, проведите меня к нему,/Я хочу видеть этого человека...». Высоцкий обладал выразительной пластикой, и в

этой сцене мы видим ее умелое использование. Движение тела по сцене совершается в соответствии с ритмом есенинского стиха: первая строка монолога – бросок полуголого тела на железную цепь, которая тут же отбрасывает тело назад. Рывок вперед, падение на цепь, падение назад, опять бросок вперед — и так весь монолог под страшный кандалный звон, при том, что цепь держат не стражники, а орда вольных пугачевских соратников, которая предаст потом и Пугачева, и Хлопушу.

Есенинское чтение, по словам режиссера Ю.П.Любимова, стало важным для создания художественной концепции всего спектакля: *«В работе над есенинским "Пугачевым" записи голоса поэта, его неистовое чтение своих насыщенных метафорами стихов помогли нам найти общий эмоциональный строй спектакля»* [3, с.263]. Голос поэта Есенина зазвучал с новой силой.

2.3. Сергей Есенин читает стихи русской эмиграции

Выступления Есенина перед русскими эмигрантами во время его поездки с Айседорой Дункан по Европе и Америке – знаковый момент биографии поэта.

Есенин едет за границу в глубокой депрессии. Во время путешествия он постоянно ощущает двойственность своего положения: признанный на родине поэт, здесь он только муж знаменитой актрисы, его подозревают (и прямо говорят и пишут об этом) в корысти при заключении брака с женщиной много старше, он не знает иностранных языков, лишен столь необходимой поэту стихии родного языка. О настроениях Есенина свидетельствуют его письма. В них мы видим и неприятие окружающего (*«берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу»*), и постоянное противопоставление себя как части родины западному миру: *«Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковищину»*

Есть и еще одна причина сложного состояния поэта: ему предстоит встретиться с русскими эмигрантами, литераторами, со многими из которых он был знаком до Октября. Есенин настроен в том числе и на полемику, хотя отношения с советской властью у него достаточно сложные. С другой стороны, Есенин за последние годы стал большим поэтом, он – не начинающий из «новокрестьян» и желает это показать литераторам-эмигрантам. Отсюда постоянное соединение в его выступлениях политического и просто скандала в начале общения и победа поэтического слова в мастерском исполнении – в конце. Об этом, в частности, пишет всегда объективный Роман Гуль. Выступление в Берлине начинается с того, что *«Есенин почему-то вскочил на стул, что-то кричал об Интернационале, о России, о том, что он русский поэт, что он не позволит, что он умеет и не так свистать, а в три пальца. И, заложив в рот три пальца, действительно засвистал, как разбойник с большой дороги»* Чтение стихов, которым продолжается вечер, приводит к тому, что **«Дом искусств Есениным был взят приступом»**. При этом Р.Гуль описывает произведенное на него впечатление просто, объективно. Речь здесь идет не о мастерстве исполнителя, а о качестве поэзии: *«Читал он не так хорошо, как Маяковский. Во-первых, голос не тот. Голос у Есенина был, скорее, теноровый и не очень выразительный. Но стихи захватили зал. Когда он читал: «Не*

жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым» — зал был уже покорен. За этим он прочел замечательную «Песнь о собаке». А когда закончил другое стихотворение последними строками: «Говорят, что я скоро стану / Знаменитый русский поэт!» — зал, как говорится, взорвался общими несмолкающими аплодисментами»[.

Равным образом, выступление на обратном пути начинается

пьяным скандалом («вместо стихов Есенин вдруг начал ругать публику, говорить какие-то пьяные несуразности»), но закончилась триумфом поэта: «И вдруг закричал: «Хотите стихи?! Пожалуйста, слушайте!...»

В зале не сразу водворилось спокойствие. Есенин начал «Исповедь хулигана». Читал он криком, «всей душой», очень искренне, и скоро весь зал этой искренностью был взят. А когда он надрывным криком бросил в зал строки об отце и матери:

Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня!

— ему ответил оглушительный взрыв рукоплесканий. Пьяный, несчастный Есенин победил. Публика устроила ему настоящую овацию»[.].

Скандалы продолжались и в Америке, названной поэтом «Железным Миргородом». В доме поэта Мана Лейба при чтении « Страны негодяев» разгневанные слушатели бросились бить поэта, потом связали его. Скандал попал в газеты.

В то же время и за океаном поэт находил благодарную аудиторию, с которой ему было комфортно, и в которой его мастерство исполнителя являло себя во всей полноте. В воспоминаниях М. О. Мендельсона есть рассказ о том, как Есенин *«читал стихи рабочим, главным образом выходцам из России, стихи о русской природе и о преобразовании России. ...он выбирал для чтения стихи, которые позволяли слушателям лучше всего представить себе близость поэту того нового, что происходит на его родине. И тогда на лице Есенина появилось выражение счастья. Это не было простым откликом на радостный гул, которым слушатели встречали его выступление. Поэт, надо думать, почувствовал: собравшимся понятно и дорого то, что творится в его душе»*

Зарубежная поездка показала бывшим соотечественникам, что перед ними большой поэт, талантливо умеющий представить свои стихи. В своем роде типичным можно назвать воспоминание Лолы Кинел. В нем соединяются непосредственность эмоций слушателя от текста и яркое впечатление от манеры его исполнения: *«Читал он хорошо, в совершенстве владея голосом, интонацией, выражением...Я была ошеломлена. Есенинский голос — голос южно-русского крестьянина, мягкий и слегка певучий — передавал изумительный диапазон переживаний. От нежной ласкающей напевности он возносился до диких, то хриплых, то пронзительных выкриков. Есенин был Пугачевым — измученным крестьянином... долго страдавшим, терпеливым, обманутым, а потом — неистовым, хитрым, страшным в своем гневе и требующим свободы и мщения... и потом, в конце, когда его предали, — покорным, покинутым,.. Есенин-Пугачев выражал недовольство шепотом, вел неторопливый рассказ, будто пел песню. Он же орал, плевался, богохульствовал. Его тело раскачивалось в ритме декламации, и вся комната словно вибрировала от его эмоций. Потом, в конце, побежденный, он — Есенин-Пугачев — съежился и зарыдал. Мы сидели молча... Долгое время никто из нас не мог поднять рук для аплодисментов, потом они разразились вместе с диким шумом и криком...».*

ГЛАВА III.
«КЛЕН ТЫ МОЙ ОПАВШИЙ...»:
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ЧИТАЕТ СТИХИ. 1924-1925

Последние годы Есенина – время его великих стихов. Поэт осознает свою причастность к традиции, приходит к пушкинской ясности звучания. Есенин воспринимается современниками как сегодняшний большой поэт. Всем запомнилось дерзкое сравнение из юбилейного стихотворения, которое Сергей Есенин прочитал 6 июля 1924 года на митинге в день столетия со дня рождения великого поэта, стоя на ступенях памятника на Тверском бульваре:

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший, как туман,
О, Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган...

Облик Есенина, читающего стихи, запечатлен в эти годы в скульптуре поэта работы С. Коненкова. О скульптуре существует единодушное мнение,

как очень точно воспроизводящей пластику поэта. Сам С. Т. Коненков рассказывал позднее о характерном жесте Есенина, которым он сопровождал чтение: левая рука вскидывалась вверх, ладонь у виска, правая со сжатым кулаком поднималась и опускалась в ритме стиха. «Этот жест и запечатлен на известной деревянной скульптуре Коненкова, именно так чаще всего Есенин читал стихи. Даже в этом

повторяющемся есенинском жесте, по словам Коненкова, была «шляпинская естественность и гармоничность» — жест совпадал с голосом. А общее впечатление от его чтения Сергей Тимофеевич сформулировал так: «нежность, трогательность и трагичность»[].

Шилов

3.1. Сергей Есенин-исполнитель и аккомпаниатор стихов

Есенин и музыка, музыкальность есенинского стиха — всему этому посвящены труды музыковедов, историков культуры. Литературоведческие работы, их названия также говорят об особой мелодичности есенинской поэзии: Бельская Л.Л.» Песенное слово. О поэтическом мастерстве Сергея Есенина», Куняев Ст., Куняев С. «Божья дудка. Жизнеописание Сергея Есенина», Эрлих В. И. «Право на песнь». Список этот можно значительно расширить.

Есенин был очень музыкален. Свое умение играть на народных инструментах он успешно использовал в юные годы, выступая перед петербургской аудиторией. Например, в Тенишевском училище, по воспоминаниям Ясинской, *«Есенин ... появился на эстраде зала Тенишевского училища. В руках у него была балалайка, на которой он, читая стихи, очень неплохо и негромко себе аккомпанировал»* []. Воспринятый при появлении как исполнитель народных песен, *«читал Есенин на этом первом вечере великолепно. Он имел успех. Вечер был отмечен в печати»*

Софья Виноградская, хорошо знавшая поэта. Не раз видевшая его в семье, поясняет истоки его песенности: *«Он был песенником. Его стихи — песни. Их не только читают, но поют. Дома постоянно придумывали мотивы к его стихам и пели их его сестры, мать, друзья. Стихотворение «Есть одна*

хорошая песня у соловушки» было им написано на Кавказе и кем-то там переложено на музыку. По приезде в Москву, он часто пел его. Но больше всего он любил русские песни. За ними он проводил целые вечера, а иногда и дни. Он заставлял петь всех, приходивших к нему....Он знал песню, как теперь редко кто знает, и любил ее — грустную,

задорную, старинную, современную. ... Большой радостью бывало для него подбить свою мать на песню; споет она, а он говорит: «Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня»[].

Многочисленны воспоминания об особом интересе, пристрастии поэта к народной музыке. Есенин великолепно плясал под гармонь. Гармонь, гармошка, тальянка – особый инструмент в мире есенинских стихов.

В быту Есенин не отказывал, когда была возможность, послушать гармонистов. Даже в неприхотливом уличном исполнении была для него своя прелесть : *«Всех парней, которые в воскресный вечер наигрывают на гармошке у подворотни, он таскал к себе. Идет по делу, услышит — где-то гармошка играет, и отправляется на ее звуки; через некоторое время он с новоявленным гармонистом шагает домой, позабыв о деле»[].* широв.

Знание народных форм искусства проявилось в есенинском увлечении частушками, умении самому их сочинять и исполнять. Роман Гуль вспоминает о берлинском общении Есенина с Кусиковым, постоянн имевшим при себе какой-либо инструмент : *Кусиков пел цыганское под гитару, свой собственный романс «Обидно, досадно, до слез, до мученья, / Что в жизни так поздно мы встретились с тобой!» И рассказывал, что когда он приходит в русский*

ресторан «Медведь» (недалеко от Виттенбергплац), то оркестр сразу же мажорно встречает его этим романсом «Обидно, досадно...» Есенин под балалайку пел частушки собственного сочинения:

*У бандитов деньги в банке,
Жена, кланяйся Дунканке!*

Или:

*У нашего Ильича
В лоб ударила моча!
Под советской кровлею
Занялся торговлею!»[]*

Мелодическую наполненность своих стихов Есенин умел, как никто, продемонстрировать в чтении. Уже в юные годы он, по воспоминаю. П.Мурашева, «читал, а сам чутко прислушивался к ритму. Затем садился и записывал»[].

В описании Ивана Евдокимова чтение Есенина выглядело так : «Понемногу звуки вырастали, исчезала начальная хрипотца — и строфа за строфой лились жарко, хмельно, страстно.

Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них даже примерно не передавал той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта.

Никто не умел извлекать из его стихов нужные интонации, никому так не пела та подспудная непередаваемая музыка, какую создавал Есенин, читая свои произведения»[].

шилов

Очень наблюдательная Ясинская оставила полное описание есенинской манеры исполнения: *«Манера чтения у него уже была выработана. Позднее он только отделявал детали, научился модулировать и управлять голосом, но главное - постановка голоса, певучесть с некоторым усилением ее в конце строки -- все это уже было, и было свое, ни у кого не заимствованное. Читал Есенин уже тогда изумительно хорошо, свободно, с упоением. Когда читал - преображался, жестикулировал, увлекался сам и увлекал других. Жесты его*

были как бы аккомпанементом, хотя и не соответствовали ритму стиха, в то же время он заметно раскачивался в такт. Эта манера чтения значительно усиливала впечатление от стихов» [].

Есенинские определения собственной поэзии часто имеют «песенную» природу : «Пой, песню, поэт, пой»; «Еще я долго буду петь»; «Есть одна хорошая песня у соловушки,/ Песня панихидная по моей головушке». «Петь» (читать в сопровождении музыки) Есенин собирался и в последние свои дни. Он не собирался умирать: «Есенин приехал в наш город жить, а не заканчивать жизнь самоубийством. У поэта было огромное желание увидеть первый том своих сочинений, подготовленный к печати, а в ближайших планах — выступить с чтением своих стихов. А поскольку Сварог был еще виртуозным гитаристом и у них с Есениным был опыт совместных выступлений, они заранее сговорились о вечере мелодекламации, где Сварог сопровождал бы чтение стихов»[].

3.2. Сергей Есенин читает «Чёрного человека»

К моменту создания «Чёрного человека» (1925) у Сергея Есенина был опыт не только публичного исполнения стихов в кругу друзей, но и вполне профессиональная работа в «Страде» и «Красе», выступления перед аудиторией «Бродячей собаки», «Стойла Пегаса», других поэтических собраний. И в каждом случае, судя по мемуарам слушателей, это было полное соответствие облика, интонации художественному миру исполняемого текста. Так же было и с «Чёрным человеком»

1925-ый – последний год жизни поэта. К этому времени Сергей Есенин уже давно и тяжело болен. Поэт *Николай Асеев* воспроизводит обычное состояние Есенина: «Он был горячечно возбужден своими видениями, был весь пропитан смутной боязнью чего-то и эту боязнь пытался заглушить наигранным удальством и молодечеством»[5]. Сестра поэта, *Александра Есенина* вспоминает: «26 ноября Сергей лег в клинику для нервных больных, помещавшуюся на Большой Пироговской улице, в Божениновском переулке»[17, с. 121]

Валентин Катаев много лет спустя в книге воспоминаний «Алмазный мой венец»(1977), где Есенин фигурирует под именем Королевича, рассуждает: «Стало понятно, что Королевича уже ничто не спасет: он погибнет от белой горячки, или однажды, сам не сознавая, что он делает, повесится, о чем он часто говорил во хмелю. Что мы могли поделать? Это был рок. Проклятье» [19].

Современники вспоминали, что поэт читал «Черного человека» особенно часто в последние дни своей жизни. Среди слушателей были собраты по имажинизму Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Иван Грузинов, Матвей Ройзман, Вольф Эрлих; драматург Николай и художник Борис Эрдманы, художник Георгий Якулов, актриса Августа Миклашевская, писатель Николай Никитин, писатель и журналист Софья Виноградская, поэт, муж сестры Есенина Екатерины, Василий Наседкин, поэт Николай Асеев, редактор Анна Берзинь, писатель Иван Евдокимов, писатель Александр Тарасов-Радионов, старые знакомые, супруги Г. Ф. и Е. А. Устиновы; земляк Есенина, поэт и художник Павел Радимов, писательница Анна Антановская.

Это были писатели, друзья, близкие люди. Для частного исполнения Есениным стихов это характерно. *Софья Виноградская* пишет: «Стихи свои он любил читать лишь тем, кто их «умеет понимать». Эту способность понимать его стихи он узнавал по тому, умеют ли его «слушать». «Вы умеете слушать, вот вы хорошо слушаете, — говорил он. И тому, к кому это относилось, он уже доверял» [12].

Слушатели, почти все, отмечают изменения, происшедшие в облике поэта.

Сергей Городецкий: «Голос был у него уже хриплый, лицо стертное, и сквозь этот его облик, как сквозь туман годов, виделся мне ранний, весенний Сергунька» [14, с.186].

Николай Асеев: «Он стал оглядываться подозрительно и жутко. И, наклонясь через стол ко мне, зашептал о том, что за ним следят, что ему одному нельзя оставаться ни минуты, ну да он-де тоже не промах — и, ударяя себя по карману, начал уверять, что у него всегда с собой «собачка», что он живым в руки не дастся и т.д.» [4, с.315].

Василий Наседкин: «Это жуткая лирическая исповедь требовала от него колоссального напряжения и самонаблюдения. Я дважды заставлял его пьяным в цилиндре и с тростью перед большим зеркалом с непередаваемой нечеловеческой усмешкой, разговаривавшим со своим двойником-отражением или молча наблюдавшим за собою и как бы прислушиваясь к самому себе» [35, с. 306].

Чтение Есенина производило незабываемое впечатление:

Николай Никитин: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен. /Сам не знаю, откуда взялась эта боль...». Уже этим началом он сжал мне душу, точно в кулак»[36, с. 488].

Николай Асеев: «Есенин читал мне «Черного человека». И опять этот тон подозрительности, оглядки, боязни преследования. Говоря о самой поэме, он упирал на то, что работал над ней два года, а напечатать нигде не может, что редактора от нее отказываются, а между тем это лучшее, что он когда-нибудь сделал. Мне поэма действительно понравилась»[4, с.315].

Матвей Ройзман: «Я пришел в «Стойло» с опозданием и застал Есенина читающим конец «Черного человека». Слушающие его В. Шершеневич, А. Мариенгоф, И. Грузинов, Н. и Б. Эрдманы, Г. Якулов были восхищены поэмой» [41, с.206].

Слушатели единодушно говорят об особом эмоциональном состоянии поэта.

Матвей Ройзман: «Сергей сел на кровати, положил правую забинтованную по локоть руку (Есенин тяжело ранил руку стеклом) поверх одеяла, во время чтения «Черного человека» поднял ее левой, обхватил... Последние строки Сергей прочитал почти шепотом. Все – поза Есенина, его покачивание, баюканье забинтованной руки, проступающее на повязке в одном месте пятнышко крови, какое-то нечеловеческое чтение поэмы производило душераздирающее впечатление» [41, с.206].

Августа Миклашевская: «Мы сидели вокруг стола ... Есенин стоял у стола и читал свою последнюю поэму – «Черный человек». Он всегда хорошо читал свои стихи, но в этот

раз было даже страшно. Он читал так, будто нас никого не было и как будто «черный человек» находится здесь, в комнате» [33, с. 91].

Спустя годы не забылись есенинские интонации, звучание голоса. *Валентин Катаев*: «Мы остались втроем – Королевич, Соратник и я. Королевич подошел ко мне, обнял и со слезами на глазах сказал с непередаваемой болью в голосе, почти шепотом: - Друг мой, друг мой, я очень и очень болен! Сам не знаю, откуда взялась эта боль. Он произносил слово «очень» как-то изломанно, со своим странным акцентом. Выходило ““чень, о““чень, иочень““... Слова эти были сказаны так естественно, так домашнему жалобно, что мы сначала не поняли, что это и есть новые строки новой поэмы. Потом он встал, прислонился к притолоке, полузакрыв свои вдруг помутневшие глаза смертельно раненного человека, может быть даже животного - оленя, - и своим особым, надсадным, со странным акцентом голосом произнес: - черный человек... «Черный человек» он произносил с особенным нажимом, еще более ломая язык: «чъорный, чъорный, чъорный человек, ч'лавик“... Королевич вздрогнул и стал озираться, как бы увидев невдалеке от себя ужасный призрак. Мороз тронул мои волосы. Серое лицо Соратника побледнело. Поэма называлась «Черный человек» [19].

Есенин осознавал силу воздействия поэмы. Сестра поэта *Александра Есенина* вспоминает: «... в 1925 году мне было 14 лет, но в семье меня считали еще ребенком. Такое отношение ко мне было особенно у Сергея. Я помню, как, написав поэму «Черный человек» и передавая рукопись Кате, он сказал ей: «Шуре читать эту вещь не нужно» [17, с.121].

Авторское исполнение «Черного человека» вызывало у слушателей ряд ассоциаций. *Матвей Ройзман* говорит о пушкинском «Моцарте и Сальери», вспоминая при этом есенинское стремление даже внешне уподобиться кумиру. *Николай Никитин* пишет: «Почему-то сразу вспомнился «Реквием» *Моцарта*» [41, с.480].

В беседах после чтения возникало имя всегдашнего соперника – Владимира Маяковского. *Николай Асеев*: «Я похвалил его поэму, указал тут же,

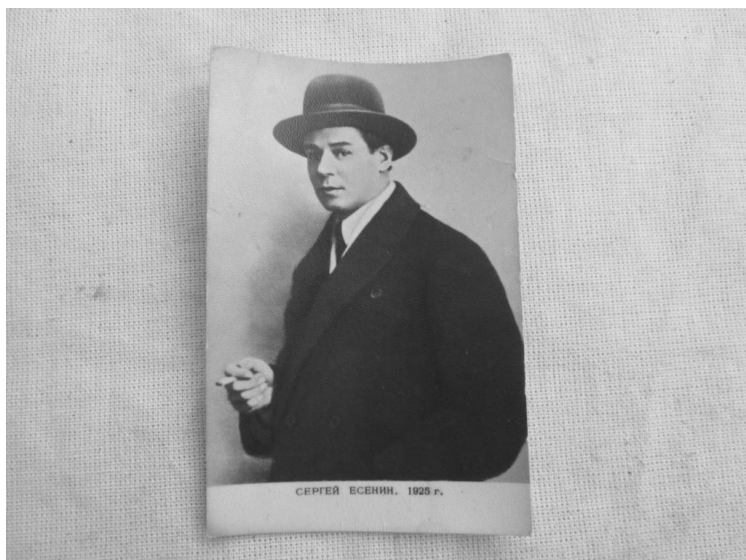
что по основному тону, по технической свежести, по интонациям она ближе к нам, в особенности к Маяковскому. Он привстал, оживился еще более, разблестелся глазами...» [5].

«Черный человек» - поэма прозрения и мужества», - пишет современный исследователь [7:73]. Современники увидели в ней трагический итог пути поэта. *Петр Орешин* вспоминает, что перед ним предстало «есенинское Я – совершенно особое, большое, глубокое, озаренное до последней капли, обнаженное с небывалой жестокостью к самому себе» [39, с.266].

Свидетели авторского чтения «Черного человека» сохранили для нас в воспоминаниях есенинскую интерпретацию текста, возможно, важнейшую для понимания великой поэмы.

3.3..Последние чтения

«...врезанной рукой помешкав, / собственных / костей / качаете мешок» – страшная картина самоубийства Сергея Есенина, строки известного стихотворения Владимира Маяковского памяти ушедшего поэта. Сергей Есенин покончил с жизнью в ночь на 28 декабря 1925 года. Смерть потрясла читателей, поклонников, породила серию самоубийств. По жесткому определению Маяковского, «над собою / чуть не взвод /расправу учинил». Григорий Чхартишвили, обобщая причины добровольного ухода поэта, пишет о них в исследовании «Писатель и самоубийство» [53].

Последние недели жизни
Есенин провел в
психиатрической клинике,
много пил. В воспоминаниях о
нем повторяется: *«пьян все был
Серезжа, каждоразно пьян»* [51];
*«явился на вечер
настолько пьяным, что
товарищи пришли в отчаяние»*

[49]; *«был он под сильным хмельком»* [16]...Поэт, как это часто бывало, неустроен, бездомен: *«затяжной квартирный кризис в Москве, постоянно кочующий образ жизни»*[49]. В то же время он испытывает необычайный творческий подъем, создает свои последние шедевры. Близкий друг вспоминает: *«После одной читки стихов Есениным я искренне удивился его плодовитости. Довольный, Есенин улыбался.*

-- Я сам удивляюсь,-- молвил он,-- прет черт знает как. Не могу остановиться. Как заведенная машина» [35, с.36].

В эти дни Есенин не раз читает свои стихи. Это очень разнообразные по ситуациям, настроению поэта и впечатлению, производимому на слушателей, чтения. Это может быть диктовка последних элегий жене, Софье Толстой: *«В ночь с 4 на 5 октября он продиктовал мне подряд семь шести - и восьмистрочных стихотворений. На другой день по этой моей записи Есенин сделал небольшие поправки»* [45].

Есенин неоднократно, в различных аудиториях, читает «Черного человека» Каждый раз это новый вариант текста: в чтениях отразился процесс работы над последней поэмой, поиски точных образов, предельной выразительности слова. Процесс этот идет до последнего дня, до «Англетера»: *«Пришел Г. Ф. Устинов с писателем Измайловым и Ушаковым, подошел Эрлих. Есенин читал свои стихи. Несколько раз прочел "Черного человека" в законченном виде, значительно сокращенном»*[48].

Каждый раз чтение производит неизгладимое впечатление на слушателей. Почти у каждого возникает предчувствие трагедии, близости смерти: *«он сжал мне душу, точно в кулак. Почему-то сразу вспомнился "Реквием" Моцарта»* [36, с. 448]. *«...читал стихи, — и опять — «Черного человека». Тяжесть не проходила, а как-то усиливалась, усиливалась до того, что уже было трудно ее выносить. Что-то невыразимо мрачное охватило душу, хотелось что-то немедленно сделать, но — что?»* [49].

В то же время публичные чтения Есенина не раз становились триумфом, что также запечатлели мемуаристы. Есенин, московский кумир, очень хотел покорить и ленинградскую публику. Ему это удалось, например, на вечере в Экспериментальном театре: *«... когда начал читать стихи, зал мгновенно переменялся. Не было слышно уже ни одного возгласа, стояла полная, чуткая тишина. Есенин даже в пьяном состоянии читал свои стихи очень хорошо. Это был прекраснейший чтец. Я еще не слышал, чтобы кто-нибудь читал лучше его стихи. Вечер этот кончился тем, что Есенина слушатели вынесли на руках. Ему пришлось читать, уже будучи одетым. А в коридоре какая-то психопатка сдернула у него с головы шляпу, прижала к сердцу и подняла визг, не желая никому отдавать эту шляпу...»* [49].

Современники как никогда ранее чувствуют, понимают: перед ними великий поэт: *«За вечер дважды читал мне три новых стихотворения. Одно, если не изменяет память, начинавшееся со строк:*

Буря воеет, буря злится,

... Из-за туч луна, как птица,

Проскользнуть крылом стремится...

поразило меня своей редкой силой выразительности и образности. Под свежим впечатлением оно показалось мне лучшим из всего написанного им за этот год»[35].

Чтение стихов, как и прежде, не раз соединяется с полемикой в духе времени, с выяснением личных поэтических отношений. Показателен эпизод чтения давнему другу и оппоненту Николаю Клюеву: *«Есенин... читал Клюеву*

все свои новые стихи. Клюев слушал, сложив руки на животе, поглядывая на Есенина из-под своих мохнатых мужицких бровей.

— Ну как, Николай?

— Хорошие стихи, Сережа, очень хорошие стихи! Вот если бы все эти стихи собрать в одну книжечку да издать ее с золотым обрезом, она была бы настольной книжечкой у всех нежных барышень...

Есенин долго сидел молча, мрачно насупившись.

— Удивительное дело, — сказал он, наконец, хрипло, — я знаю тебя давно, Николай, знаю многие твои черты, которые как-то выродились, сгладились, а вот эта твоя черта... подлость...»[49].

Есенин в эти недели полон творческих планов, готовит к изданию собрание сочинений. С эти связаны память о вступлении в литературу, первых наивных стихах. *«Последний раз он принес большое стихотворение "Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве". ... Мы все скопились в одно место. Есенин громко и жарко читал, размахивая листками.*

-- Это мое первое детское стихотворение, -- кончив, сказал он .

Все улыбались и хвалили стихи. А когда он ушел, многие сразу запомнили и твердили отдельные строфы. Первое "Собрание стихотворений" Есенина, таким образом, сделано им самим»[16].

Именно таким, умиротворенным, в предчувствии нового этапа жизни запомнился Есенин в свой последний вечер. Таким описали его свидетели последнего чтения в первых мемуарах. Наверное, поэтому и возникла, распространилась в девяностых, экранизировалась в двухтысячных версия о его насильственной смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Признанный даже в кругу поэтов Серебряного века, умевших и любивших читать свои стихи, как мастер, Сергей Есенин за свою недолгую жизнь исполнителя поэзии запомнился современникам очень разным.

Изменение манеры чтения – один из показателей эволюции художественного мира поэта, его отношения к себе и аудитории.

Первые запомнившиеся чтения Есенина состоялись в московских полупрофессиональных кружках начинающих литераторов, в Суриковском кружке. Юный автор, робеющий перед аудиторией, читает «тихо, просто, душевно» (Н.Н.Ливкин).

Активная самопрезентация Есенина синхронна росту его известности в литературных кругах. Не доверяя собственному слову, способности заинтересовать и удержать профессиональную аудиторию, поэт редко выступает один, чаще в кругу «Общества возрождения художественной Руси», в коллективе «Красы». Есенин декоративен, подчеркнуто театрален. Участие в ««Красе» (костюм, музыкальное сопровождение, декорации) выявляет принадлежность к идеологии новокрестьянских поэтов, шире – к фольклорной традиции, но нивелирует индивидуальность поэта.

Выявление звучания, подчеркивание фонетики текста, музыка – характерная черта поэтов начала XX века, здесь признанными мастерами были Михаил Кузмин, Андрей Белый, Игорь Северянин. Музыка будет сопутствовать Есенину долгие годы. Это своя, фольклорно-романсовая, выделяющая его среди современников, мелодия. В воспоминаниях Есенин останется сопровождающим свое чтение игрой на гармонии, на гитаре, напевающим свои стихи. Это органично для поэта, предопределено мелодичностью, природной музыкальной стихией его стихов. С годами музыкальное сопровождение становится менее интенсивным. Есенин с большим мастерством в последние годы использует свои богатые голосовые данные. Сохранились воспоминания о воздействии чтения на различную аудиторию, от ночлежного дома на Хитровке до литераторского Дома Герцена.

Всегда слушатели реагировали на эмоциональность и мастерство исполнения стихов Есениным, гармонию внешнего облика поэта и смысла текста.

Природный артистизм Есенина проявился в исполнении им собственных драматических произведений. Среди них выделяется монолог Хлопуши из драматической поэмы "Пугачев". Показательно, что сохранившееся в записи чтение поэта стало спустя годы своеобразным камертоном при постановке пьесы в театре на Таганке, повлияло на исполнителя роли Владимира Высоцкого.

В биографии Есенина-исполнителя мемуаристами выделяются моменты, связанных с чтением ключевых текстов, ситуациями, важными для самоопределения поэта.

Выступления за границей перед русскими эмигрантами в большей степени имеют эпатажную природу: Есенин в них утверждает равно масштаб собственной личности, соизмеримой с мировой знаменитостью его супруги Айседоры Дункан, и позиционирует себя как поэт, оставшийся верным родине.

Чтение «Черного человека» становится одним из выражений трагедии Есенина, надломленности его душевного состояния.

Последние чтения поэтом своих стихов осенью 1925 года запомнились как прощание с близкими, своеобразный итог жизни.

Знание о Есенине-исполнителе своих стихов немало дает для понимания его поэзии в целом, особенностях ее в разные годы. Представления о личности поэта, его художественном мире дополняются, конкретизируются воспоминаниями слушателей-современников. В них сохранились и неповторимость, артистизм есенинского чтения, и динамика образа автора и его великой поэзии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. *Ю. Л. Прокушев*; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука; Голос, 1995—2002.
2. Есенин С.А. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения (1910-1925). Под общ. Ред.: В.Г. Базанова, А.А. Есениной, Е.А. Есениной, А.А. Козловского и др. Вступит. Статья Ю.Л. Прокушева. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. М., «Худож.лит.», 1977.
- ***
3. Александрова Н. О. Есенин в Ростове // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1./ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож. лит.,1986. — С. 118 – 121.
4. Асеев Н.Н. Встречи с Есениным //С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2/ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож.лит.,1986. С.313 – 316.
5. Асеев Н. Три встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. Под ред. И. В. Евдокимова. — М.-Л., Государственное издательство, 1926. С. 180-195. <http://o-esenine/vospominaniia/aseev-n-tri-vstrechi-s-eseninyum> (дата обращения 15 марта 2014)
6. Бабенчиков М.В. Сергей Есенин // С.А. Есенин в восп. совр.: В2 Т. М.,1986. Т.1. С. 236-237.
7. Белоусов В. Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 1. (1895—1920). — М.: Сов. Россия, 1969. — 303 с.
8. Белоусов В. Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. (1921—1925). — М.: Сов. Россия, 1970. — 446 с.
9. Бельская Л.Л. Песенное слово. О поэтическом мастерстве Сергея Есенина: Учебное пособие. — М., 1990.
10. Бухарова Зоя. "Краса" // Петроградские ведомости, 4 (17) ноября 1915 // http://kluev.org.ua/critics/buh_krasa.htm

11. Ветлугин А. Воспоминания о Есенине. Русское зарубежье о Сергее Есенине. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007. — 544 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: [mahachkala.ofootbole.com>...russkoe...o...esenine.html](http://mahachkala.ofootbole.com...russkoe...o...esenine.html)
12. Виноградская Н. Как жил Есенин. — Л.: Огонёк, 1926. — 36 с. <http://www.esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/vinogradskaia-sofia-kak-zhil-esenin> (дата обращения 15 марта 2014)
13. Воспоминания о Сергее Есенине. — М.: Московский рабочий, 1965. — 520 с.
- Гиппиус З. Н. Мечты и кошмар (1920--1925) СПб.: ООО "Издательство "Росток", 2002. // http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1922_lundberg.shtml
14. Городецкий С.М. О Сергее Есенине // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1/ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож. лит., 1986. С.179–188.
15. Горький М. Сергей Есенин // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2/ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож.лит., 1986. — С.5 – 11. // <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/vospominaniya/sergej-esenin.htm>
16. Евдокимов И. В. Сергей Александрович Есенин
17. Есенина А.А. Родное и близкое // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1/ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож. лит., 1986. С.55 – 125.
18. Изряднова А. Р. Воспоминания С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1/ Сост. и коммент. А.Козловского. — М.: Худож. лит., 1986.
19. Катаев В. Алмазный мой венец <http://www.litmir.net/br/?b=132605> (дата обращения 15 марта 2014).
20. Колядич Т.М. Воспоминания писателей XX века. Проблемы поэтики жанра. — М., 1998.
21. Крымова Н. Хлопуша // Высоцкий на Таганке. Составитель С.Никулин. Москва, В/О "Союзтеатр" СДТ СССР Главная редакция театральной литературы, 1988. — URL: <http://vvtaganka.narod.ru/vv-kryмова.html> (дата обращения 15 мая 2015)
22. Кузьмин Н. Возмездие — М.: «Голос-Пресс», 2004..

23. Куняев Ст., Куняев С. Божья дудка. Жизнеописание Сергея Есенина // Наш современник. - 1995. - • 9. - С. 13.
24. Кусиков А. «Только раз ведь живем мы, только раз...» Памяти Есенина // <http://esenin.ru/about-esenin/memories/1062-article.html>
25. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин. Биография М.: Вита Нова, - 624 с. 2007
26. Лейдерман Н.Л. Совестной суд (о поэме С.Есенина «Черный человек») // Филологический класс. 2007. № 17. С. 70 –73.
27. Литературные Объединения Москвы и Петербурга. 1890-1917 годов. Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 448 с.
28. Любимов Ю. П. Рассказы старого трепача. – М.:Новости, 2001. – 576 с.
29. Мануйлов В.А. О Сергее Есенине. // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2/ Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож. лит.,1986. – С.165 – 190.
30. Мариенгоф А. Анатолий Мариенгоф о Сергее Есенине: Октопус, 2006 – 208 с.
31. Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги / Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., указатель имен С. В. Шумихина и К. С. Юрьева. М.: Московский рабочий,1990. С. 130-131.
32. Марченко А. М. Есенин: Путь и беспутье. — М.: Астрель, 2012. — 606 с. 33. Миклашевская А.Л. Встречи с поэтом// С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2/ Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож. лит.,1986. С.83 – 92.
34. Маяковский Владимир. Как делать стихи// <http://esenin.velchel.ru/?cnt=11&sub=1>

35. Наседкин В.Ф. Последний год Есенина// С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2/ Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож. лит.,1986. С.303-312.
36. Никитин Н.Н. О Есенине //Воспоминания о Сергее Есенине. Сборник / Под ред. Ю.Л.Прокушева – М.: «Московский рабочий»,1965. С.474 –499
37. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. Учебное пособие. – М.: Флинта, 1998. – 234 с.
38. Новицкий Н. о Есенине. // <http://russie-europe.ens-lyon.fr/IMG/pdf/choubnikova.pdf>
39. Орешин П.В. Мое знакомство с Сергеем Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1/ Сост. и коммент. А. Козловского. – М.: Худож. лит.,1986. С.263 – 269.
40. Пяст В. Встречи // <http://ihavebook.org/books/375732/vstrechi.html>
- 41.Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. М.: «Сов. Россия», 1973 – 272 с.
Русское Зарубежье о Сергее Есенине. – М.: Терра- Книжный клуб, 2007.–543 с.
[Электронный ресурс] Режим доступа:
- 42.С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. / Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож.лит.,1986.
43. Старцев И. Мои встречи с Есениным / Воспоминания о Сергее Есенине / Под общ. Ред. Ю. Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965. С. 244.Мои встречи с Есениным // <http://feb-web.ru/feb/esenin/critics/ev1/ev1-408-.htm>
44. «Стойло Пегаса». Легенды московского застольяСа<http://sv-scena.ru/Bib/Legendy-moskovskogo-zastoljya-Zametki-o-vkusnoj-j>
- 45.Толстая-Есенина С.А. Отдельные записи // <http://www.webcitation.org/6CIAly24C>
- 46.Толстая-Крандиевская Н.В. Сергей Есенин и Айседора Дункан // Воспоминания о Сергее Есенине. М., «Московский рабочий», 1965. С. 330 - 334
- 47.Трубецкой. Стойло Пегаса// <http://ljrate.ru/post/4770/446245>

48. Устинова Е. А. Четыре дня Сергея Александровича Есенина // <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/ustinova-e-chetyre-dnia-sergeia-aleksandrovicha-esenina>
49. Устинов Г. Ф. Мои воспоминания о Есенине // <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/ustinov-g-f-moi-vospominaniia-o-esenine>
50. Фочкин Олег. Бар имажинистов // Вечерняя Москва. 22 апреля 2015 // <http://www.vm.ru/news/2015/04/22/bar-imazhinistov-284546.html?print=true&isajax=true>
51. Фурманов Д. А. Сережа Есенин. // <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/furmanov-d-a-sergei-esenin>
52. Черпаявский В.С. Три эпохи встреч. // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1. / Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож. лит., 1986. – С.198 – 235.
53. Чхартишвили Григорий Писатель и самоубийство – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 576 с. // <http://fanread.ru/book/1374452/?page=54>
54. Шилов Л. «Голоса, зазвучавшие вновь» . – URL: <http://esenin.ru/fonoteka/chitaet-sergei-esenin/shilov-l-golos-esenina> (дата обращения 15 мая 2015)
55. Шнейдер И.И. Из книги «Встречи с Есениным» // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2. / Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож.лит., 1986. – С. 35 – 48.
56. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. – М.: Наследие, 2001. – 687с.
57. Элленц Франц. Сергей Есенин и Айседора Дункан // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2. / Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож.лит., 1986. – С.20 – 23.
58. Эрлих В. И. Право на песнь // <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/erlikh-volf-pravo-na-pesn>

59. Юшин П. Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. – М.: Изд-во МГУ, 1959. – 472 с.
60. Ясинская З. И. Мои встречи с Сергеем Есениным. // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. / Сост. и коммент. А.Козловского. – М.: Худож.лит.,1986. Т.1. С. 259-260